Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап, 2015-2016 г.г.
11 класс

Часть I

Аналитическое задание

Перед Вами два произведения – эпическое и лирическое. Сделайте целостный анализ **одного** из них (**по Вашему выбору**). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Владимир Крупин

Марусины платки

Эта старуха всегда ходила в наш храм, а как вышла на пенсию, то стала быть в храме с утра до вечера. «Чего ей тут не быть, — говорили про нее другие старухи, которые тоже помогали в службе и уборке, — живет одиношенька; чем одной куковать, лучше на людях». Так говорили еще и оттого, что от старухи много терпели. Она до пенсии работала на заводе инструментальщицей. У нее в инструменталке была чистота, как в операционной. Слесари, токари, фрезеровщики хоть и ругали старуху за то, что требует сдавать инструмент, чтоб был лучше нового, но понимали, что им повезло, не как в других цехах, где инструменты лежали в куче, тупились, быстро ломались.

Такие же образцовые порядки старуха завела в храме. Ее участок, правый придел, сверкал. Вот она бы им и ограничивалась. Но нет, она проникала и на другие участки. Она никого не корила за плохую работу. Она просто пережидала всех, потом, оставшись одна, перемывала и перетирала за своих товарок. Даже и староста не смела поторопить старуху. Только сторож имел на нее управу, он начинал греметь старинным кованым засовом и сообщал, что луна взошла. Другие старухи утром приходили, конечно, расстраивались, что за них убирали, но объясниться со старухой не смели. Конечно, они в следующий раз старались сильнее, но все равно, как у старухи, у них не получалось: кто уже был слаб, кто домой торопился, кто просто не привык стараться, как она.

У старухи был свой специальный ящичек. Это ей по старой дружбе кто-то из слесарей сделал по ее заказу. Из легкой жести, но прочный, с отделениями для целых свечей, для их остатков, отделение для тряпочек, отделение для щеточек и скребков, отделение для порошков и соды.

Видимо, этого ящичка боялись пылинки, они не смели сесть на оклады икон, на деревянную позолоченную резьбу иконостаса, на подоконники: чего и садиться, все равно погибать. И хоть и прозвали старуху вредной, но то, что наша церковь блестела, лучилась отражением чистых стекол, сияла медовым теплым светом иконостаса, мерцала искорками солнца, отраженного от резьбы окладов, — в этом, конечно, была заслуга старухи.

Но вредной старуху считали не только соратницы, а и прихожане. К ним старуха относилась как к подчиненным, как старшина к новобранцам. Если в день службы было еще и отпевание, старуха выходила к тем, кто привез покойника, и по пунктам наставляла, как внести гроб, где развернуться, где стоять родственникам, когда зажигать свечи, когда выносить... То же и венчание. Крестили не в ее приделе, хотя и туда старуха бросала зоркие, пронзительные взгляды. Иногда, если какой младенец, сопротивляясь, по грехам родителей, орал особенно безутешно, старуха считала себя вправе вторгнуться на сопредельную территорию и утешить младенца. И в самом деле, то ли младенец пугался ее сурового вида, то ли она знала какое слово, но дитенок умолкал и успокаивался на неловких руках впервые зашедшего в церковь крестного отца.

Старуха знала наизусть все службы. «Ты, матушка, у меня не просто верующая, ты профессионально верующая», — говорил ей наш настоятель отец Михаил.

— А почему ты, — сурово вопрошала старуха, — почему на проскомидии не успеваешь читать поминания?

— Матушка, — вздыхал отец Михаил, — с благодарностью и смирением принимаю упрек, но посмотри, сколько записок.

— Раньше вставай, — сурово отвечала старуха. — А то чешешь, чешешь, людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и иже с ним. Чего это за имя — «иже с ним»? У тебя-то небось имя полное — отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал. — Она крестилась.

— Прости, матушка, — терпеливо говорил отец Михаил.

— Бог простит, — сурово отвечала вредная старуха.

Во время службы, когда выносилось для чтения Святое Евангелие и раздавалось: «Вонмем!» — старуха окаменевала. Но могла и ткнуть в бок того, кто шевелился или тем более разговаривал. Стоящая за свечным ящиком Варвара Николаевна тоже опасалась старухи и не продавала свечи, не принимала записок во время пения «Херувимской, «Символа веры», «Отче наш», «Милость миру». Она бы и без старухи не работала в это время, но тут получалось, что она как бы под контролем.

Прихожан старуха муштровала, как унтер-офицер. Для нее не было разницы, давно или недавно ходит человек в церковь. Если видела, что свечи передают левой рукой, прямо в руку вцеплялась, на ходу свечу перехватывала и шипела: «Правой, правой рукой передавай, правой!» И хотя отец Михаил объяснял ей, что нигде в Уставах Церкви не сказано о таком правиле, что и левую руку Господь сотворил, старуха была непреклонна. «Ах, матушка, матушка, — сетовал отец Михаил, — у тебя ревность не по разуму.

Когда старуха дежурила у праздничной иконы, или у мощей преподобномучеников, или у плащаницы, то очереди молящихся стояли чинно и благолепно. Когда, по мнению старухи, кто-то что-то делал не так, она всем своим видом показывала этому человеку все его недостоинство. Особенно нетерпима была старуха ко вновь приходящим в храм, к молодежи. Женщин с непокрытыми головами она просто вытесняла, выжимала на паперть, а уж тех, кто заскакивал в брюках или короткой юбке, она ненавидела и срамила. «Вы куда пришли? — неистово шептала она. — На какую дискотеку? Вы в какие это гости явились, что даже зачехлиться не можете, а?!»

А уж намазанных, наштукатуренных женщин старуха готова была просто убить. Она очень одобрила отца Михаила, когда он, преподавая крест по окончании службы, даже отдернул его от женщины с яркой, толстой косметикой на лице и губах. «Этих актерок, — говорила старуха, — убить, а ко кресту не допускать».

А еще мы всегда вспоминаем, как старуха укротила и обратила в веру православную одного бизнесмена. Он подъехал на двух больших серых машинах («цвета мокрого асфальта», говорили знающие), вошел в храм в своем длинном кожаном пальто с белым шарфом, шляпу, правда, снял. Вошел таким начальником, так свысока посмотрел на всех нас. А служба уже кончилась, прихожане расходились.

— Где святой отец? — резко и громко сказал незнакомец. — Позовите.

— Какой святой отец? — первой нашлась старуха. — Ты нас с католиками не путай. У нас батюшка, отец Михаил.

Отец Михаил, снявши в алтаре облачение, шел оттуда в своей серой старенькой рясочке. Незнакомец картинным жестом извлек пачку заклеенных купюр и, как подачку, протянул ее отцу Михаилу.

— Держи, святой отец!

— Простите, не приму. — Отец Михаил поклонился и пошел к свечному ящику.

Оторопевший незнакомец так и стоял с пачкой посреди храма. Первой нашлась старуха.

— Дай сюда, — сказала она и взяла пачку денег себе.

— Тебе-то зачем? — опомнился незнакомец. — Тут много.

— Гробы нынче, милый, дорогие, гробы. На гроб себе беру. И тебя буду поминать, свечки за тебя ставить. Ты-то ведь небось немощный, недокормленный, до церкви не дойдешь, вот за тебя и поставлю. Тебя как поминать? Имя какое?

— Анвар, — проговорил незнакомец.

— Это некрещеное имя, — сурово сказала старуха. — Я тебя буду Андреем поминать. Андреем будешь, запомни. В Андрея крестись.

Крестился или нет, переменил имя или нет этот бизнесмен, мы не знаем. Знаем только, что деньги эти старуха рассовала по кружкам для пожертвований. Потом отец Михаил, улыбаясь, вспоминал: «Отмыла старуха деньги демократа». «А сам-то не мог сразу взять?» — спрашивала старуха.

Непрерывно впадая в грехи осуждения, старуха сама по себе была на удивление самоукорительна, питалась хлебушком да картошкой, в праздники старалась сесть с краю, старалась угадать не за стол, а на кухню, чтоб стряпать и подавать. Когда к отцу Михаилу приходили нужные люди и их приходилось угощать, старуха это понимала, не осуждала, но терпела так выразительно, что у отца Михаила кусок в рот не лез, когда старуха приносила с кухни и брякала на стол очередное кушанье.

Был и еще грех у старухи, грех гордости своей внучкой. Внучка жила в другом городе, но к старухе приезжала и в церковь ходила. Она была студентка. Помогала старухе выбивать коврики, зимой отскребать паперть, а летом... а летом не выходила из ограды: они обе очень любили цветы. Церковный двор у нас всегда благоухал. Может, еще и от этого любили у нас крестить, что вокруг церкви стояли удобные широкие скамьи, на которых перепеленывали младенцев, а над скамейками цвели розовые и белые кусты неизвестных названий, летали крупные добрые шмели.

На Пасху к нам приезжал архиерей. Конечно, он знал нашу строгую старуху и после службы. Когда на прощание благословлял, то сказал старухе, улыбаясь: «Хочу тебя задобрить» — и одарил старуху нарядным платком, на котором золотой краской был изображен православный храм и надпись: «Бог нам прибежище и сила». Именно такими платками уже одаривал старух отец Михаил, но мы увидели, как обрадовалась старуха архиерейскому подарку, и поняли — свой платок она отдаст внучке.

И вот ведь что случилось. Случилось то, что приехала внучка, примерила платок перед зеркалом, поблагодарила, а потом сказала:

— А я, бабушка, в наш храм больше не пойду.

— Почему? — изумилась старуха. Она поняла, что внучка говорит о том храме, в городе, где училась.

— А потому. Я так долго уговаривала подругу пойти в церковь, наконец, уговорила. Не могла же я ее сразу снарядить. Пошла, и то спасибо: она из такой тяжелой семьи — отец и братья какие-то торгаши, она вся в золоте, смотреть противно. А я еще тем более была рада, что к нам в город американский десант высадился, пасторы всякие, протестанты, баптисты...

— Я бы их грязной шваброй!

— Слушай дальше. Они заманивали на свои встречи. Говорят: напишете по-английски сочинение и к нам поедете в гости. И не врали. Подруга написала — она ж английский с репетиторами, — написала и съездила. Ей потом посылка за посылкой всякой литературы. Тут я говорю: «Людка, ты живи, как хочешь, но в церковь ты можешь со мной пойти для сравнения?» Пошли. И вот, представляешь, там на нас такая змея выскочила, зашипела на Людку: «Ты куда прешься, ты почему не в чулках?» А Людка была в коротких гольфах. Ты подумай, баб, прямо вытолкала, и все. Людка потом ни в какую. Говорит, в Америке хоть в купальнике приди, и ничего. И как я ее ни уговаривала, больше не пошла.

— В купальнике... — пробормотала старуха. И заходила по комнате, не зная, что сказать. Ведь она слушала внучку, и будто огнем ее обжигало, будто она про себя слушала, будто себя со стороны увидала. А она-то, она-то, скольких она-то отбила от Божьего храма!

«Господи, Господи, — шептала старуха, — как же Ты, Господи, не вразумил меня, как терпел такую дуру проклятую?»

Внучка пошла по делам, а старуха бросилась на колени перед иконами и возопила:

— Прости меня, Господи, неразумную, прости многогрешную!

И вспомнилось старухе, как плакали от нее другие уборщицы, от ее немых, но явных упреков, ведь которые были ее и постарше, и слабее, а Богу старались, как могли, потрудиться, а она их вводила в страдания. Старуха представила, как ее любимую внучку изгоняют из храма, и прямо-таки вся залилась слезами.

А она-то, она-то! Да ведь старуха как в какое зеркало на себя посмотрела! Были, были в ее жизни случаи, когда она так же шипела, как змея, — прости, Господи, — на молоденьких девчонок в коротких юбках или простоволосых. Где вот они теперь, миленькие, кто их захороводил?

И вспомнила старуха, как однажды, в престольный праздник, прибежала в храм и бросилась на колени перед распятием женщина, и как старуха резко вцепилась ей в плечо: «Разве же встают в праздник на колени?» — и как женщина, обращая к ней залитое светлыми слезами лицо, торопливо говорила: «Матушка, ведь сын, сын из армии вернулся, сын!»

А как однажды она осудила женщину, другую уже, за то, что та уходила из храма после «Херувимской». И как эта женщина виновато говорила ей: «Свекор при смерти».

А как она осуждала товарок за то, что уносят домой принесенные в храм хлеб и печенье. Конечно, их всегда им раздавали, но старуха осуждала, что берут помногу. А может, они соседям бедным несли или нищим, сейчас же столько нищеты...

— Боже, Боже, прости меня, неразумную, — шептала старуха.

А больнее всего ей вспоминалось одно событие из детства. Было ей лет десять, она позавидовала подругам, что у них пальто с воротниками, а у нее просто матерчатое. И пристала к отцу. А отец возьми да и скажи: «Надо воротник, так возьми и отнеси скорняку кота». Был у них кот, большой, красивый, рыжий, в лису. И вот она взяла этого кота и понесла. И хоть бы что понесла. Кот только мигал и щурился. Скорняк пощипал его за шерсть на лбу, на шее, на спинке, сказал: «Оставляй». И был у нее красивый воротник, лучше всех в классе.

— Ой, не отмолиться, ой, не отмолиться! — стонала старуха.

К вечеру внучка отваживалась с нею, давала сердечные капли, кутала ноги ее в старую шаль, читала по просьбе старухи Псалтырь.

И с той поры нашу старуху как перевернуло. Она упросила внучку привезти на следующие каникулы подругу, вместе с ними оставалась после службы на уборку, и уже не было такого, чтоб кто-то терпел от нее упреков или укоризны.

А еще вот что сделала старуха. У нее была хорошая белая ткань с пестренькими цветочками — ситец. Хранила его старуха на свою смерть. А тут она выкроила из ткани десяток головных платков разной величины, принесла в церковь, отдала Варваре Николаевне за свечной ящик. И когда какая женщина или девушка приходила в наш храм с непокрытой головой, та же старуха просила ее надеть платок.

А звали нашу старуху тетя Маруся. И платочки ее с тех пор так и зовут — тети-Марусины.

При желании Вы можете опираться на вопросы:

1. Как в сюжете рассказа проявляется связь с православными традициями, с возрождением идеи соборности?
2. Определите и опишите среди особенностей жанровой структуры - взаимопроникновение художественных и публицистических элементов. Обозначьте их роль.
3. Как в рассказе обозначен синтез лирического и эпического начал? Где и как наиболее сильно проявляет себя автор? Почему всё больше возрастает от начала к концу его роль?

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Максимальное количество баллов 30.

ИЛИ

Николай Моршен
ПОСЛЕДНЯЯ ЛАСТОЧКА

Смотри, как радостно и просто
К закату ласточка ведет
Свой белогрудый, вилохвостый
Исследовательский полет.

Она воздушный лепит замок,
И рыщет в поисках звезды,
И птичьих аэродинамик
Усовершенствует плоды.

На ней, как на искомой точке,
Подобно трем прожекторам,
Скрестили огненные строчки
Державин, Фет и Мандельштам.

Задетый приближеньем ночи
Багряный падает листок,
Склониться ниже колос хочет,
Созревший щелкает стручок –

И осень видится воочью
Как завершенье, как итог,
Как строк и ритмов средоточье:
Китс, Боратынский, Рильке, Блок...

Стихом пронзает человечий
Зигзаголоволомный ум
Земли явления и вещи,
Молчанье звезд и моря шум.

Но что у нас в наш час осенний
Единый вызывает вздох?
Лирического тяготенья
Где высший центр для всех эпох,
Омега всех пересечений?

Жизнь? смерть? любовь? Быть может, Бог?

При желании Вы можете опираться на вопросы:

1. Докажите, что оно написано под влиянием поэтов – предшественников. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу?
2. Обратите внимание на следующие особенности его поэтики:

- динамическую энергию стиха, создаваемую четкими повторами ударений в параллельных стихах, короткими фразами, использованием тире, вопросов, восклицаний;
- широкое использование олицетворений, метафор;
- возможность раскрыть внутренний смысл слов разделением слов на слоги или созданием неологизмов;
- виртуозные рифмы, фонетические повторы внутри одной строки или строфы.

Примечание: Вы можете использовать предложенные вопросы, а можете выбрать свой путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Максимальное количество балов 30

Часть II

Творческое задание.

Опираясь на авторские ремарки и реплики персонажей, опишите любой город, в котором происходит действие в одной из пьес отечественного или зарубежного драматурга (на выбор). Описание должно представлять собой фрагмент из справочника для путешествующих, который включает характеристику мест, связанных с героями и событиями пьесы, советы путешествующим и т.п. При составлении учитывайте историко-бытовые реалии и речевой колорит воспроизводимой в пьесе эпохи.

Максимальный балл - 30

Критерии оценивания.

1. Точность описаний, опора на текст пьесы, использование цитат – до 8 баллов.
2. Умение выделить наиболее важные маркеры художественного пространства, передать колорит описываемого города, указание на топонимы, связанные с описываемым местом (площади, улицы и др.),– до 6 баллов.
2. Стилистическая чуткость, соответствие предложенных описаний культурно-бытовому и речевому контексту эпохи, связность и стройность получившегося текста – до 6 баллов.
3.Соответствие жанру, умение создавать яркие описания, использовать «узнаваемые» детали – до 6 баллов.
4. Оригинальность подачи материала (дополнительный критерий) – до 4 баллов.

Максимальный балл – **30**

Итого – максимально – 60 баллов.